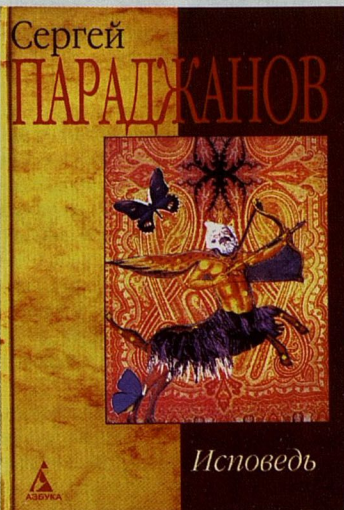

11-7-8, 2003
(маш - авт.)

СЕРГЕЙ ПАРАДЖАНОВ: «ИСПОВЕДЬ». Составление, предисловие, комментарии, подбор иллюстраций работ Кэри Церетели. СПб.: «Азбука», 2001г.

Параджанов Сергей

НАЧАЛО БЫЛО КИНО...

Прошлый век был веком становления кинематографа как искусства. Каким станет для него этот век — трудно сказать, но как бы не изменили его технологии, главная проблема в нем останется той же, что и тогда, — найти авторов. Одним из тех, на ком держалась слава кинематографа прошлого века, был Сергей Параджанов. Пожалуй, нет другой личности в истории кино, которая смогла и создать, и решить столько проблем.

За годы после смерти Параджанова вышло немало фильмов и книг о нем, в том числе и хорошо сделанных, и хорошо изданных (скажем, лента армянского документалиста М.Вартанова «Параджанов — последняя осень», удостоенная «Ники», или изданный в Москве прекрасный альбом с репродукциями мастера и текстом В.Катаняна-младшего). Но издания, подобного «Исповеди», еще не было. Объемный том целиком состоит из текстов Параджанова, в том числе и некоторых из его сценариев. Иначе говоря, всего того, что предшествовало его знаменитым фильмам. И если вспомнить красиво и строго обобщающее «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО», значит возможно предположить, что СЛОВО стояло и у истоков творчества Сергея Параджанова. Только с одной поправкой: Параджанов был тем автором, который своим творчеством заставлял нас усомниться в этой непогрешимой истине. Несомненно, он такой задачи перед собой не ставил, но он был художником, который мог изменить все, в том числе и это. И изменил: после его фильмов неизменно создавалось впечатление, что В НАЧАЛЕ БЫЛО КИНО. Пусть об этом мог сказать только он, пусть об этом никто другой не говорил, пусть этого нигде нет — у него могло быть, могло получиться. Параджанов демонстрировал это как жертвоприношение, как праздник, мистику, которые не были сиюминутными видениями, а захватывали в его фильмах весь изобразительный процесс. Задача была исключительно трудной и невероятной — ведь рядом с канонизированным словом он создавал нечто такое, что должно было быть равным ему.

Виктор Шкловский, обращая внимание на такую сторону творчества Параджанова на то, как ему удавалось изменить ход вещей, писал: «Ты должен существовать, должен показать, что нет распространенного кадра, а есть живописный кадр; и что нет в кино краски, а есть в кино фактура».

Эти слова были сказаны в середине 70-х годов, когда Параджанов находился в местах лишения свободы. К тому времени канули в прошлое мечты о постановке фильмов по уже написанным им сценариям «Слово о полку Игореве», «Чудо в Оденсе» (о Г.Х.Андерсене), «Маленький принц» (по Экзюпери), «Тарас Бульба», «Хаджи Мурат», «Давид Сасунский» (по армянскому эпосу) и др. Но осталось СЛОВО. Во все времена его было трудно найти, но еще сложнее уничтожить.

«Ревели ржавые быки на царской бойне.
В загоне царских золотых бычков мальчик-ассириец с привязанной золотой бородой нес гирлянду ржавых шафранов.
В ожидании обряда спускались на землю мужи, замотанные в бычьи шкуры».

Текст представляет собой отрывок из еще одного неосуществленного фильма Параджанова «Ара Прекрасный». Сюжет повествует о трагической любви армянского царя и ассирийской царицы Шамирам. Какая здесь пластика была, какие образы, обряды, мифификации, какая страсть снова обрушившихся потоком новых метафор. Параджанов умел превращать СЛОВО в зрелище, словно высекал огненными словами:

«Ара, армян владыка, говорит:
— Ассирии великому царю, Ниносу богоравному, дарю:
Три тысячи оседланных коней.
Три тысячи коров.
Три тысячи быков.

Несли овец, как новорожденных детей».

Что здесь сильнее к чему привязано — слово к изображению или изображение к слову? Казалось, для него не должно быть ничего красивее действия в кадре, ничего у него не могло уже быть так же выразительно. Но оказалось, он не менее изысканно мог работать и со словом, нарядя и отправляя его в путь.

Правда, текст у Параджанова — это не всегда текст в обычном понимании. Это могут быть знаки — оборванные, завершающиеся, корявые, ровные... Как краткие сообщения («Кипел ледяной поток... В кипящем ледяном потоке плыло бурое длинное перо... Тамара боялась черных и лиловых мокрых буйволов... Лиловый буйвол пил воду... Игуменя кричала на буйволов... Тамара спала и... механически доила буйволов... Пахло мокрыми белыми лилиями... Пахло!»), но имеющие вместе с тем глубокий и организованный непрерывно подтекст.

Параджанов был вдохновителем, создателем, игроком и единственным владельцем особого пространства, создавшего кинематографу «Тени забытых предков», «Саят-Нова» («Цвет граната»), «Легенду о Сурамской крепости», «Ашик-Кериба», где язык подтекста принял язык его движения. Это была удивительная встреча одного немого с другим. Автор, будучи исключительно лаконичным на бумаге, оставался таким же на экране. И в век разгара слов, их собирания, классификации, культивирования Параджанов вернул нас к первозданному — молчанию. Но в тишине больше слов, ибо она — голос недр и Вселенной.

Когда-то на проходившей в центре Европы международной киноконференции, собравшей многих кинознаменитостей того времени, на вопрос, чье кинематографическое послание можно было бы отправить в космос для контакта с братьями по разуму, был услышан только один ответ — Параджанова. Впоследствии Годаар скажет: «В храме кино есть изображение».

С.ПАРАДЖАНОВ. Эскиз к фильму «Ашик-Кериб»

и я, свет и реальность. Сергей Параджанов был мастером и хозяином этого храма. Именно таким предстает он в книге «Исповедь» — когда шорохи, кривотолки, вся суэта вокруг него прошли, экран погас и напоследок осталось его СЛОВО, — а не тем дерзким, иронизирующим, эксцентричным, каким заставила его быть жизнь. Это задано уже по тону первой статьи Параджанова, помещенной в книгу, которая называется просто: «Вечное движение». Она начинается с признательности мастеру — Игорю Савченко, у которого Параджанов учился в институте кинематографии; с признательности искусству, с помощью которого Параджанов выражался. Так начинали

составлять древние армянские книги: «Помните в своих молитвах моего варпета (мастера), недостижимого писца Степаноса Натерци...». Велколепен эпизод в «Цвете граната», где старинные книги просушивают после дождя. Так начинают слово или так начинается слово. В книге представлены наиболее характер-

ЮНЕСКО объявило следующий 2004 год годом Сергея Параджанова. Через несколько месяцев этому выдающемуся мастеру экрана исполнилось бы 80 лет. На недавно завершившемся XXV Международном кинофестивале в Москве прошла экспозиция из 70 его изобразительных работ, представленных музеем Параджанова в Ереване, которые побывали уже во многих странах мира.

Но у нас разговор пойдет о самом мастере, и, главным образом, о Параджанове как о художнике слова. На сегодняшний день эта грань его таланта лучше и полнее всего представлена в книге «Исповедь», выпущенной питерским издательством «Азбука» в рамках известной серии «Наследие», где ранее вышли письменные труды Микеланджело, Леонардо да Винчи, Дюрера, Ван Гога, Родена, Филонова, Дали...

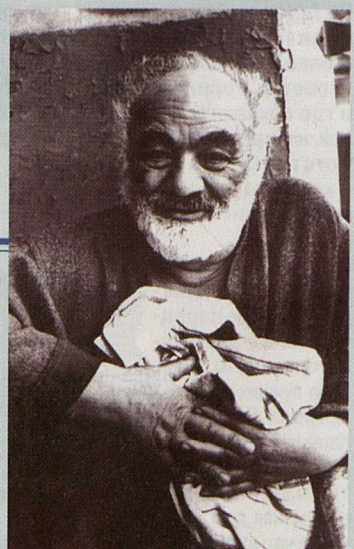
Параджанов вошел в историю как поистине интернациональный кинематографист, оставивший прекрасные фильмы на национальном материале трех братских республик: Украины, Армении, Грузии.

ные для него сценарии: «Киевские фрески», «Саят-Нова», «Дремлющий дворец», «Демон», «Чудо в Оденсе», «Исповедь». Эти сценарии написаны то белым стихом, то прозой; они написаны то на облаках, то на земле, что проносится быстро под ними...

«Сирия! Бесконечные ржавые холмы... Бурные холмы, похожие на горбы. Горбы прятались за горбами... бежали к горизонту. Уменьшались... дразились друг друга... повторялись...»
«Тамара в черной домотканой ряске взбиралась по нежным ветвям миндаля, Тамара качалась на ветвях миндаля... Качались в ритме с ней монашенки на соседних ветвях...»

Вопросы изобразительного решения на экране вечно волновали мастера. Ответы на них изменили представление о киноязыке, теперь они должны будут изменить и представление о слове. Стихия и огонь предшествовали ему, стихия и огонь предшествовали созданию каждого из этих сценариев. Так рапсод, отправляясь в дальнюю и красивую страну, где пройдет поэтический турнир, и готовясь непременно победить, рождает и несет свое слово. Творчество постановщика самых оригинальных в кинематографии картин было загадкой. И остается ею до сих пор. Долгие годы было тайной — работает ли вообще с текстом Параджанов или импровизирует на площадке. Сборник «Исповедь» отбросит сомнения и тех, кто думает так, и тех, кто думает иначе.

Составитель сборника Кэри Церетели (сейчас его подготовлен уникальный фотоальбом о Параджанове, он выйдет к его юбилею) давно занимается изучением его творчества. В «Исповеди» богато представлен собранный ею иллюстративный материал — изобразительные работы мастера. Не имея возможности снимать, Параджанов рисовал, лепил, создавал и в этой области искусства глубокий и красочный, как в его фильмах, мир. Выставки его работ постоянно проходят в разных странах, он единственный кинематографист в мире, кому при жизни был построен музей, который

находится на его родине, в столице Армении, где он часто бывал и где закончил свой жизненный путь. Это последнее путешествие домой остается самым мучительным

и фантастическим в жизни Параджанова и очень близко по духу к его изобразительным работам, где можно найти все и где та же магия, что у него на экране: беспредельные фантазии, чарующие композиции, фантастические костюмы, видения — религиозные, мистические, саркастические, абсурдные... В них продолжение его экранных историй, их невероятных решений. Вот где еще раз он всегда будет встречаться с нами, и вот где еще раз мы всегда будем прощаться с ним.

Параджанов не написал удивительной своей автобиографии, не опубликовал свои исключительные устные рассказы. Он раздарила все всем. Вероятнее всего, где-то имеется и рассказанная им автобиография, и записанные кем-то его рассказы и, как эта первая книга текстов Параджанова, ждут своего часа. Ему — одному из самых значительных выразителей кинематографа и самому значительному выразителю идей восточного христианства — есть еще много о чем сказать нам.

И много еще мы можем сказать друг другу о нем. Еще не опубликованы полностью письма Параджанова (лишь незначительная их часть представлена в «Исповеди»). А ведь в них скрыто не меньше тайн и разгадок его творчества, чем в его фильмах или в литературном наследии. Он писал из лагеря жене Светлане: «Дорогая, когда я родился, я увидел облако, красивую мать, услышал шум ветра, звон колокола — и все это с балкона детства, и за все это надо платить». Еще не вышла книга «Параджанов о Параджанове», еще не было книги «Современники о Параджанове» (а о нем говорили и генерал де Голль, и Феллини, и Антониони, и Кортасар, и Ив-Сен Лоран, и Вайда...). Еще не было сборника избранных работ о Параджанове (а ведь о нем писали и Шкловский, и Лотман, и Пазолини, и Роб-Грийе, и Барт...). Еще не издана книга с текстами киноверсий «Слова о полку Игореве» и споров вокруг нее (хотя в те годы, как и теперь, было очевидно — такой сюжет явился бы мощным представлением Руси и еще одним мощным прорывом автора к стилистике киноязыка и демонстрации его возможностей). Даже согласие Герасимова выступить с Параджановым сопостановщиком фильма не дало этому сюжету жизнь. Вместо этого вскоре Параджанов по несправедливому обвинению оказался в тюрьме. Он ничего из того, что собирался в дальнейшем сделать, не сделал, и теперь мы, бродя по свету, стуча во все двери, просим, чтобы нам отдали то, чего от него у нас нет. Кто знает наше имя, пусть скажет его, чтобы мы могли отозваться...